

Глава 15. Огненная Клятва

О достоинствах скакунов из императорских конюшен говорить не приходилось — это были лучшие животные Поднебесной. Однако даже они меркли, стоило поставить их рядом с той огненно-рыжей кобылой. Грянул приказ, и обе лошади одновременно сорвались с места, взметнув в воздух тучи пыли.

Рыжий скакун понесся вперед, подобно росчерку молнии, пронзающему облака. Едва начав забег, он уже опередил противника на три корпуса. Третий принц небрежно потягивал чай, краем глаза наблюдая за выражением лица Цинь Фэна. Он ожидал увидеть смятение, но тот лишь разочаровал его, спокойно и уверенно улыбаясь.

Когда первый забег среди лучших лошадей завершился, скакун Цинь Фэна отстал от огненной кобылы на добрую половину круга. Присутствующие зашумели, сокрушаясь о дурном глазе и невезении главы союза.

Однако ропот мгновенно стих, стоило начаться второму раунду. То ли само небо решило вмешаться, то ли расчет оказался верным, но выбранная Цинь Фэном лошадь среднего класса с самого старта проявила недюжинную прыть. В итоге она обошла скакуна принца на пять корпусов.

Счет сравнялся — один-один. Третий принц был крайне изумлен. Толпа притихла, и лишь тихий шепот разносился над трибунами:

— Неужели удача повернулась к Цинь Фэну лицом? Одолеть самого принца...

— И не говорите. Его Высочество — известный ценитель, у него в конюшнях даже средние лошади не уступят чужим лучшим рысакам. А тут — проигрыш какой-то кляче...

— Тише ты! Это всё же императорские кони, а не клячи. Но принцу теперь несдобровать, ох, опасно...

Несмотря на досадную осечку, принц сумел взять себя в руки. Взмахом руки он велел начинать решающий забег.

Под изумленными взглядами толпы третья схватка вновь завершилась победой Цинь Фэна. Его «худшая» лошадь неслась так, будто за ней гнались все демоны преисподней. Сначала она шла вровень с противником, но затем начала стремительно ускоряться, оставив скакуна принца далеко позади.

Цинь Фэн со всей искренностью отвесил глубокий поклон:

— Ваше Высочество, благодарю за науку. Обещаю приложить все силы, чтобы ежегодно

собирать десять тысяч лянов пожертвований. Мы вместе разделим заботы Его Величества и поможем подданным, пострадавшим от бедствий. Да пребудет с императором милость богов, и да защитят они всё сущее.

Чэньша, стоявший неподалеку, с нескрываемым удовольствием наблюдал за тем, как принц то бледнел, то багровел от гнева. В этот момент за его спиной раздался негромкий голос, в котором сквозила усмешка:

— Худшая против лучшей, лучшая против средней, средняя против худшей. Две победы в трех раундах. Блестяще.

Теплый весенний ветер принес аромат свежей травы, смешанный с запахом ипподрома, а этот низкий, бархатистый голос, полный зрелой мужественности, словно терпкое вино, обволакивал Чэньша. В его душе, обычно спокойной, как лесное озеро, пошли круги, которые еще долго не могли утихнуть.

Пока Цинь Фэн обменивался вежливостями с разгневанным принцем, Чэньша обернулся. Молодой господин Чэнь стоял всего в трех шагах, глядя на него с мягкой улыбкой. Чэньша поприветствовал его поклоном и шепнул в ответ:

— Вы льстите мне, господин Чэнь. Это лишь маленькая хитрость.

Внимание окружающих было приковано к главным героям дня, поэтому никто не обратил внимания на перешептывания «маленького наложника».

На этот раз господин Чэнь лишь покачал головой:

— Пятая Звезда слишком скромн. Именно твой план спас Цинь Фэну девятьсот тысяч лянов серебра. Потери главы союза теперь ничтожны.

Чэньша лишь улыбнулся, не проронив ни слова.

Собеседник сделал еще шаг вперед. Он встретился взглядом с Чэньша: его глубокие карие глаза напротив чистых, черных, как бездна, глаз юноши. Понизив голос так, что его мог слышать только юноша, он произнес чеканно:

— Моё настоящее имя — Лу Юйчэнь.

Лу Юйчэнь? Чэньша показалось это имя знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его слышал. Раз гость назвался настоящим именем, вежливость требовала взаимности. Он дружелюбно кивнул:

— А я — Пятая Звезда из поместья Цинь, Чэньша.

Лу Юйчэнь, который, очевидно, и так знал это, едва заметно склонил голову. Внезапно со стороны принца донесся яростный вопль, заставивший всех вздрогнуть. Ослепленный гневом, Третий принц выхватил меч у стражника и одним ударом перерубил шею вороному коню. Не останавливаясь, он нанес несколько ударов белому скакуну, а затем, излучая жажду убийства, двинулся к огненно-рыжей кобыле. Та, почуяв кровь, испуганно заржала, едва не вырываясь из рук конюхов.

Дамы в испуге закричали. Фавориты из числа чиновников тут же бросились успокаивать своего покровителя. Принц сделал несколько глубоких вдохов, отшвырнул окровавленный клинок и, приняв вид холодного достоинства, обратился к Цинь Фэну:

— Раз эти твари столь никчемны, они не заслуживают жизни. Поздравляю, глава Цинь. Раз само небо рассудило нас, я сдержу слово и внесу серебро для народа. К несчастью, переменчивая погода вызвала у меня недомогание. Прощайте.

Умение менять личины у членов императорской семьи было отточено до совершенства: мгновение назад он вел себя как безумный мясник, а сейчас вновь олицетворял величие правящего дома. Проводив принца и его свиту глубоким поклоном, Чэньша вместе с Цинь Фэном поднялся в карету, чтобы вернуться в поместье.

Лу Юйчэнь с легким сожалением смотрел вслед уезжающему экипажу. Бросив взгляд на туши убитых лошадей, он тихо вздохнул:

— Жаль животных. Благородные кони.

Стоявший рядом господин с веером в руках ехидно добавил:

— Еще больше жаль, что у прекрасного цветка уже есть хозяин.

Лу Юйчэнь холодно покосился на него:

— Если память мне не изменяет, ты здесь со мной в «государственной командировке»?

Щеголь в расшитых шелках лишь отмахнулся веером:

— Опять ты за своё. Мы ведь выехали по делам союза. Впрочем, город Чаоянь мы уже изучили вдоль и поперек. У нас осталось еще двадцать дней — самое время нанести визит «хозяину» того самого цветка...

Понизив голос, он хитро улыбнулся:

— Уверен, глава Цинь проявит живой интерес к сделке, которую мы привезли. А оставить у себя таких ценных гостей на пару дней для него будет сущим пустяком.

Лу Юйчэнь проводил взглядом карету Чэньша и кивнул. Когда ипподром опустел, они со спутником велели привести лошадей и неспешно тронулись в путь.

Они ехали прогулочным шагом. Господин с веером то и дело обменивался многозначительными взглядами с красавицами в проезжающих паланкинах, попутно развлекая Лу Юйчэня беседой:

— И всё же, почему он так тебя заинтересовал?

Лу Юйчэнь долго молчал, глядя на дорогу, а затем обронил лишь одно слово:

— Ша.

Веер в руках спутника замер.

— И только из-за этого слога ты раскрыл ему своё имя?

Юйчэнь оставался невозмутимым:

— Цинь Фэн и так давно знает, кто мы такие. Раз уж мы собираемся навестить его поместье и честно вести дела, простая искренность не помешает.

Щеголь не стал напоминать, что «искренность» стоило бы проявить в первую очередь перед самим Цинь Фэном, а не перед его наложником.

Лу Юйчэнь, осознав, что его оправдание звучит слабо, резко сменил тему:

— Мы поселимся там прямо сегодня?

Его друг лишился дара речи. Неужели этот человек настолько потерял голову? Нельзя же заваливаться с визитом в тот же день, едва завидев интересную особу!

Однако Юйчэнь на этот раз был полон решимости. Он пришпорил коня, бросив короткое «Но!», и сорвался в галоп. Спутнику ничего не оставалось, кроме как, попрощавшись с красавицами, пуститься вдогонку, поднимая столбы пыли.

Цинь Фэн пребывал в великолепном расположении духа. Победа была сокрушительной, и ему нетерпелось отпраздновать успех. Чэньша, заразившись его настроением, тоже постоянно улыбался.

Едва переступив порог Поместья Цинь, глава приказал управляющему благодарить всех визитеров и просить их прийти завтра. Кухарям было велено готовить самый пышный ужин: праздник устраивался для всех обитателей поместья.

Спустя несколько часов, когда закат окрасил небо в багрянец и сумерки затопили сад, в Поместье Цинь воцарилось ликование. Столы, расставленные в саду, напоминали лепестки распутившегося лотоса, а сам сад превратился в пруд, полный сияющих золотых огней.

В центральной беседке было тесновато, хоть она и не была маленькой — семеро человек едва уместились за столом. Принцесса Фэн Лянь заняла место по левую руку от Цинь Фэна — там, где полагалось сидеть законной супруге. Глава союза не стал возражать, однако всё его внимание было приковано к беременной Мянцзинь, сидевшей справа.

Обитатели поместья наперебой поздравляли хозяина. Музыканты и поэты из числа гостей устраивали импровизированные представления. Нин Сюэжо — сын придворного музыканта, которого Чэньша некогда спас, — тоже вышел с цинем. Его игра была безупречна и сорвала бурю аплодисментов.

Юноша выглядел гораздо лучше, чем в их первую встречу. Цинь Фэн, одобрительно кивнув, допил вино. Чэньша, улучив момент, предложил устроить Сюэжо музыкантом в терем, который он открыл. Глава союза охотно согласился.

К середине застолья Мянцзинь, утомленная шумом и своим положением, начала клевать носом. Цинь Фэн, для которого она сейчас была превыше всего, велел остальным продолжать веселье, а сам вызвался проводить её в покои, прихватив с собой и Чэньша.

Вернувшись во двор Мянцзинь, Цинь Фэн бережно усадил её и, отослав слуг, повернулся к юноше:

— Чэньша, дай мне своё украшение в виде Цветка Звездного Сияния.

Чэньша послушно отвязал аксессуар от пояса. Цинь Фэн положил золотое с нефритом украшение на правую ладонь, накрыл левой и торжественно произнес:

— Бог Огня Цанъянь, внимли! Сим я клянусь: исполнить одно любое желание моего Звездного Сияния, Чэньша. Да пребудет с нами милость богов.

Украшение вспыхнуло мягким алым светом. Мянцзинь, наблюдавшая за этим, вскрикнула от изумления:

— Глава... Огненная Клятва?

Чэньша знал из книг, что это такое. Огненная Клятва — высший обет народа, поклоняющегося стихии огня. Нарушивший её будет навеки отвергнут своим богом. Для людей этого мира подобная кара была страшнее самой мучительной казни.

— Глава союза, это слишком...

Цветок Звездного Сияния в его ладони еще сохранял тепло. Чэньша отчаянно нуждался в защите, и раз Цинь Фэн сам предложил её, отказываться было бы глупо. Он низко поклонился:

— То, что я сделал сегодня — лишь мой долг. Эта клятва — слишком великий дар, я не заслужил его. За вашу доброту я никогда не смогу отплатить. Отныне, глядя на это украшение, я буду помнить о вашей доверии, и лишь служение вам принесет мне покой.

Цинь Фэн покачал головой:

— Ты заслужил это. Сегодняшний триумф — твоя заслуга. Оставь его себе. А теперь отдыхай — я вижу, ты утомился. Можешь не возвращаться к гостям.

Чэньша поразились пронизательности Цинь Фэна: его место за столом было не самым видным, но тот всё равно заметил его недомогание.

Когда хозяин ушел, Чэньша помог Мяньцзинь устроиться на кровати. Та с облегчением сжала его руку:

— Это замечательно. Теперь у тебя есть сила главы, чтобы защитить себя.

Чэньша и сам был несказанно рад. С таким козырем его шансы спастись от Фэн Яна значительно возросли.

— Я лишь хочу спокойной жизни, сестра. А эта клятва... настоящий подарок судьбы.

Поправив одеяло и обняв Мяньцзинь на прощание, он велел служанкам присматривать за госпожой и вернулся в маленький дворик Е Чжэна, где временно жил.

В поместье всё еще гремел праздник. Ранее Хуаньхуа и Шухуа хотели пойти за ним, но он велел им оставаться. В маленьком дворике царил тишина. Чэньша зажег лампу и выложил на стол сверток с едой, который прихватил с собой.

— Сюкун, не хочешь перекусить?

Еда немного помялась, но вкус был отменным. Ответа не последовало, лишь пламя свечи на столе качнулось, хотя ветра не было.

Чэньша улыбнулся:

— Что ж, тогда позову своего Контрактного Священного Зверя.

Он достал бамбуковую флейту и исполнил короткую, живую мелодию. Вскоре в окно влетела маленькая летучая мышь и в облаке дыма обратилась в человека.

Люк сосал кровь Чэньша только вчера, так что был сыт, но вампиры не брезговали и обычной пищей. Увидев деликатесы, он радостно набросился на еду.

Чэньша присел рядом, потягивая остывший чай и наблюдая за тем, как Люк уплетает курицу и грибы.

— Ты как будто не в себе? — Люк проглотил кусок и внимательно посмотрел на юношу, заметив его бледность.

Чэньша отхлебнул чаю:

— Верно. Голова немного кружится.

— Весной легко простудиться, — Люк протянул руку и коснулся лба Чэньша. — Ого, и правда горячий. Может, позвать лекаря?

Чэньша, не ожидавший такой заботы, оторопел, а затем, взглянув на лоб, где остался жирный отпечаток от пальцев Люка, горько усмехнулся:

— Теперь мне даже умыться нечем, воды теплой нет...

Люк, осознав, что натворил, вскочил:

— Я помогу тебе лечь! И принесу воды, сейчас всё исправлю!

Голос его становился всё тише, так как он умудрился оставить еще два жирных пятна на одежде Чэньша, пытаясь его поддержать. Юноша лишь вздохнул: роскошный наряд был безнадежно испорчен в первый же день. Люк, багровея от стыда, бросился к выходу:

— Я... я мигом! Принесу воды! Ты только посиди тут!

Чэньша знал, что из этого «господина» помощник никакой, и попытался его догнать:

— Не стоит...

Но стоило ему резко встать, как в глазах потемнело. Он едва успел ухватиться за край стола.

Головокружение усиливалось. Чтобы Люк не натворил еще больших бед, Чэньша всё же вышел во двор. При свете луны он увидел, что вампир замер у стены, глядя куда-то вверх.

— Люк? Всё в порядке...

Подойдя ближе, Чэньша заметил на стене пеструю кошку. Та была вполне обычной, но Люк смотрел на неё, не отрываясь, словно завороченный. Юноша присмотрелся, не нашел в животном ничего особенного и перевел взгляд на Люка.

Глаза Контрактного Священного Зверя, обычно ярко-голубые, стали бледно-золотыми, как полная луна. В этом взгляде было нечто злое и таинственное, от чего Чэньша не мог отвести глаз. Сознание начало медленно тонуть в этой золотистой мгле...

— Чэньша! Эй, Чэньша! — Люк схватил его за плечи и начал неистово трясти. — Не смей! Не смотри!

Юноша очнулся, но от тряски его едва не вывернуло. Он оттолкнул Люка и, прижавшись к стене, зашелся в сухом кашле. Вампир готов был разрыдаться от чувства вины:

— Прости, я не хотел... Это слишком сильная иллюзия, обычные люди её не выносят. Я не должен был её использовать при тебе, прости!

Чэньша слабо махнул рукой, показывая, что всё в порядке. Бледный, едва держащийся на ногах, он навалился на Люка и указал на дверь. Тот, забыв о жирных руках, осторожно довел его до постели.

Едва коснувшись подушки, Чэньша понял, что теряет сознание. Речь давалась с трудом:

— Люк... ничего... — Чувствуя, как внутри разгорается пожар, он из последних сил выкрикнул:
— Сю... кун!

Черная тень мгновенно соткалась у кровати. Сюкун, оценив состояние юноши, помрачнел. Он выхватил фарфоровый пузырек, высыпал на ладонь пилюлю и, бесцеремонно сжав челюсть Чэньша, заставил его проглотить лекарство.

Снадобье мгновенно начало действовать. Проглатывая горький сок, Чэньша прошептал Сюкуну:

— К... главе союза...

Голова налилась свинцом, дыхание стало обжигающим. Казалось, в самом нутре раздули угли, а по венам вместо крови потек раскаленный спирт. Боль была невыносимой. Юноша метался в лихорадке, пот градом катился по лицу, заливая воротник.

Сюкун исчез, выполняя поручение. Чэньша хотел велеть Люку уходить, но не мог вымолвить ни слова. Вампир и сам понимал, что Цинь Фэн будет здесь с минуты на минуту. Он склонился к самому уху юноши:

— Фэн Ян уже выехал из Страны Кунлань. Он как-то связан с Фэй — прежним хозяином твоего тела. После предательства он поклялся убить его. Береги себя!

Чэньша задрожал, кусая губы до крови. Его взгляд стал мутным, блуждающим. Люк, сжав его в объятиях, крикнул:

— Я ухожу! Только не умирай... Живи!

Маленькая летучая мышь взмыла к потолку, тревожно наблюдая за тем, как юноша корчится на простынях. Вскоре послышались торопливые шаги, и дверь распахнулась настежь.

В комнату вбежали Цинь Фэн и лекарь Лю Ин. Помощь пришла вовремя.

<http://bllate.org/book/17524/1694734>